

АКУШЕР

A man with a beard and dark hair is shown in profile, looking down. The interior of his head is a dark, misty forest with gnarled tree trunks. In the center of the forest, there is a hallway with several doors, one of which is open, revealing a bright light at the end of the corridor. The overall mood is dark and mysterious.

Чхеидзе Валерий

18+

Валерий Чхеидзе

Акушер

«Автор»

2026

Чхеидзе В.

Акушер / В. Чхеидзе — «Автор», 2026

Старший следователь Александр Романов сталкивается с серией необъяснимых убийств: в лесополосе находят обнаженных беременных женщин с идеальным хирургическим шрамом и исчезнувшим плодом. Ни улики, ни следов борьбы. У всех жертв безупречная репутация и лучшие врачи. Убийца — гениальный хирург, работающий в полной тишине леса, прозванного Чащобой. Романов идет по следу, петляющему между городами Горчанской области, пока Москва дважды закрывает дело в погоне за быстрыми результатами. Но он не может остановиться. Чтобы найти того, кто стоит за этими смертями, следователь готов поставить на карту карьеру, рассудок и любовь. «Акушер» — психологический триллер о природе одержимости, границе между наукой и безумием и человеке, который потерял всё.

© Чхеидзе В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Чхеидзе

Акушер

Глава

Из дневника Акушера

Я пишу это не для тебя. Тебя нет. Тебя нет уже пять лет, три месяца и одиннадцать дней, и с каждым днем ты удаляешься от меня все дальше — как свет уходящего поезда, как гаснущий экран монитора, на котором только что остановилась прямая линия пульса.

Я пишу это для себя. Чтобы помнить.

Сегодня я видел ее. Девушка в синем пальто, срок — около двадцати двух недель. Она стояла на остановке в Топольске, придерживала живот левой рукой — этот жест я узнаю из тысячи. Защитный. Материнский. Она не знала, что я смотрю. Не знала, что я уже вижу то, что скрыто под кожей и мышцами: изгиб позвоночника плода, пульсирующую вену пуповины, мягкие кости черепа, которые еще не срослись.

Я не мог отвести взгляд.

Глава 1

— Вы понимаете, что я вам не верю?

Александр Романов сидел напротив мужчины в дорогом костюме и смотрел на него без всякого выражения. Мужчина — Аркадий Борисович Штерн, сорок семь лет, учредитель благотворительного фонда «Свет надежды», фигурант номер один в деле о мошенничестве на сто сорок три миллиона рублей, — сидел напротив и старательно изображал оскорбленную невинность. Получалось у него скверно. За двенадцать лет службы Романов научился отличать искреннее возмущение от актерской игры, и сейчас перед ним был именно актер — плохой, провинциальный, переигрывающий на каждом слове.

— Александр Андреевич, — Штерн прижал руку к груди, демонстрируя запонку с изумрудом, — я готов сотрудничать со следствием в полном объеме. Я уже дал показания. Я объяснил, что все финансовые операции проводились через бухгалтерию, которую я лично не контролировал.

— Вот это я и имею в виду. — Романов открыл папку, лежащую перед ним на столе, но смотрел не в нее — он продолжал смотреть на Штерна, в переносицу, тем самым взглядом, от которого у фигурантов обычно начинали потеть ладони. — Вы не контролировали бухгалтерию. Вы не знали, куда уходят деньги. Вы не помните, кто подписывал платежные поручения. Вы не видели выписки по офшорным счетам. При этом именно вы являетесь учредителем фонда, именно ваша подпись стоит на сорока двух эпизодах, и именно на ваш личный счет

ушло тридцать восемь миллионов из ста сорока трех. Как это работает, Аркадий Борисович? Вы мне объясните, потому что я, честно говоря, теряюсь в догадках.

Штерн открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Я требую адвоката.

— Вы требуете адвоката каждые пятнадцать минут. Это ваше право. Я не возражаю. — Романов пожал плечами и наконец опустил взгляд в папку. — Но пока адвокат едет через весь город в вечерних пробках, я хочу зачитать вам кое-что. Показания вашего бухгалтера. Ольга Дмитриевна Горелова, сорок три года, работает в фонде «Свет надежды» с момента основания. Знаете, что она говорит?

— Это оговор, — быстро сказал Штерн. — У нас с ней был конфликт.

— У вас со всеми был конфликт. С бухгалтером — конфликт. С исполнительным директором — конфликт. С родителями детей, которые не дождались обещанного лечения, — тоже конфликт. Странная закономерность, вам не кажется?

Штерн молчал. На лбу у него выступила испарина, несмотря на прохладу в кабинете. Отопление в здании следственного комитета работало через раз, и Романов давно привык работать в пальто, но сегодня он его снял — когда ведешь допрос, важно, чтобы фигурант видел твои руки, твои плечи, твою уверенность.

— Вот что говорит Ольга Дмитриевна. — Он провел пальцем по строке в протоколе. — «Все финансовые операции проводились по устному распоряжению Штерна А. Б. Платежные поручения я готовила лично, но решение о перечислении средств всегда принимал он. Копии платежей с его визой хранятся у меня дома, я готова их предоставить».

Штерн побледнел.

— Этого не может быть. Она врет.

— У нее есть копии. С вашей подписью. Хотите взглянуть? — Романов вытащил из папки несколько листов, развернул их веером по столу. — Вот. Двадцать третье марта. Семьсот тысяч рублей. Получатель — «СтройИнвестГрупп», фирма, зарегистрированная на Кипре, бенефициаром которой, по удивительному совпадению, являетесь вы. Вот пятое мая. Миллион двести. Получатель — «МедТехТрейд», та же кипрская юрисдикция, тот же бенефициар. Вот семнадцатое июля, двадцать девятое августа, третье октября. Узнаете свою подпись?

В комнате допроса повисла тишина. Тяжелая, вязкая, как болотная вода. Штерн смотрел на копии платежных поручений, и Романов почти физически ощущал, как рушится его защита — слой за слоем, как картонный домик под дуновением ветра.

— Это благотворительность, — хрипло сказал Штерн. — Я имел право распоряжаться средствами.

— Фонд — это не ваш личный кошелек. — Романов убрал копии обратно в папку и закрыл ее. Раздался сухой щелчок, похожий на звук захлопывающейся ловушки. — Деньги,

которые вы украли, предназначались детям. Детям с онкологией, Аркадий Борисович. Тем, кто не мог ждать, пока вы купите себе очередной автомобиль или квартиру в центре Горчанска. Вы понимаете это? Понимаете, что украли у умирающих?

Штерн молчал. Его дорогой костюм теперь казался чужим — как будто он украл и его тоже. Пиджак висел мешковато, галстук съехал набок. Запонка с изумрудом тускло поблескивала в свете лампы, как насмешка.

— У меня есть жена, — тихо сказал он. — Дети.

— У тех, чьи деньги вы украли, тоже были родители. — Романов поднялся из-за стола. Допрос был окончен — он чувствовал это по той особой пустоте в воздухе, которая возникает, когда сопротивление сломлено и дальше можно только оформлять признание. — Сейчас придет конвой, вас отведут в камеру. Адвоката можете дожидаться там. И да, Аркадий Борисович... — Он остановился у двери и обернулся. — Когда будете давать показания, постарайтесь обойтись без «я не контролировал» и «я не знал». Судьи этого не любят. Особенно когда в деле фигурируют умирающие дети.

Он вышел в коридор, прикрыл за собой дверь и несколько секунд стоял неподвижно, прислонившись спиной к холодной стене. Усталость накатила волной — та самая, которую он сдерживал весь допрос, весь день, всю эту бесконечную неделю. Дело фонда было почти закрыто. Оставались формальности, передача материалов в суд, но основная работа была сделана.

Коридор был пуст. Тусклые лампы дневного света жужжали под потолком, где-то в конце крыла хлопнула дверь, и эхо прокатилось по бетонному полу, как запоздалый выстрел. Часы показывали без четверти восемь вечера.

Александр достал телефон. Пять пропущенных от Лены — он перевел звук на беззвучный перед допросом и забыл включить обратно. И одно сообщение, короткое, отправленное час назад: «Ты сегодня будешь дома или мне перестать задавать этот вопрос?»

Он хмыкнул. Лена умела резать правду-матку без скальпеля. Познакомились два года назад, на конференции по криминалистике, куда она пришла как судебный психолог, а он — как практикующий следователь. Сначала спорили о методиках допроса. Потом пили кофе. Потом — еще кофе. Потом он поймал себя на том, что проверяет ее страницу в соцсетях по вечерам, как мальчишка.

Сейчас она, наверное, сидит в своей квартире на другом конце Горчанска и злится. Или не злится — Лена редко злилась по-настоящему. Скорее, разочарована. Это было хуже.

Он набрал ответ: «Закончил. Еду. Прости. Буду через сорок минут».

Телефон пиликнул, ушел в отправку. Романов спрятал его в карман и направился к выходу — мимо пустых кабинетов с погашенным светом, мимо стендов с ориентировками, которые не менялись месяцами, мимо турникета на проходной, где вечно скучающий сержант даже не поднял головы.

На улице было холодно. Ноябрь в Горчанской области всегда был таким — не зимним, а именно ноябрьским, с мокрым ветром, который задувал за шиворот и пах прелыми листьями, с лужами на асфальте и серым небом, низко нависшим над городом. Романов поднял воротник пальто и зашагал к парковке.

Машина завелась с третьего раза — старая «школа», которую он все собирался поменять, но каждый раз откладывал. Он вырулил с территории управления, включил печку, поймал радио «Горчанск-FM» — передавали прогноз погоды. Завтра ожидался дождь, переходящий в мокрый снег. Температура — плюс два, ветер юго-западный, давление падает. Ничего нового.

Он почти доехал до поворота на проспект Мира, когда зазвонил телефон.

На экране высветилось: «Грачев».

Романов сбросил газ и прижался к обочине. Полковник Грачев не звонил по вечерам просто так. Если он набирал номер после семи, значит, случилось что-то, что не могло ждать до утра.

— Да, Сергей Викторович.

— Ты где? — Голос у Грачева был сухой, напряженный. Не тот тон, каким он обычно начинал разговор.

— На выезде из управления. Домой еду. А что?

— Разворачивайся.

Романов закрыл глаза. Досчитал до трех. Открыл.

— Что случилось?

— Труп в Топольске. Молодая женщина. Беременная. — Грачев сделал паузу, и в этой паузе Александр услышал то, что заставило его напрячься: замешательство. Полковник Грачев служил в органах тридцать лет, он видел расчлененку, видел маньяков, видел такое, что не показывают по телевизору. Он не замешивался. Но сейчас — замешался. — Ее нашли сегодня утром в лесополосе. Голая. Без единой царапины, кроме одного шрама внизу живота. Кесарево сечение. Плода внутри нет.

В машине стало тихо. Печка гудела, радио бормотало что-то о пробках на Топольском шоссе, но все это ушло на задний план — далеко, как звук из соседней комнаты.

— Не понял, — медленно сказал Романов. — То есть кто-то вырезал плод?

— Аккуратно. Профессионально. Хирургический шов, а не дыра. И вот что странно: тело абсолютно чистое. Ни волос, ни потожировых следов, ни ДНК постороннего. Вообще ничего. Как будто его прокипятили в автоклаве.

Романов молчал. Перед его глазами стоял Штерн с его запонками и офшорными счетами — и этот образ вдруг показался невероятно далеким, почти нереальным. Сто сорок три мил-

лиона, благотворительный фонд, краденые деньги — все это было понятно. Грязно, цинично, но понятно. А то, о чем говорил Грачев, не укладывалось ни в одну привычную схему.

— Почему ты звонишь мне? — спросил он наконец. — Топольск — это не наша подследственность.

— Звонил начальник топольского отдела. Они вскрыли, увидели шов и поняли, что это не бытовуха. Попросили помощи из области. Я хочу, чтобы ты взял это дело.

— Сергей Викторович, я не профайлер. Я работаю по экономике последние полгода.

— Ты работаешь по особо важным. Это — особо важное. — Грачев помолчал. — И еще кое-что. Я только что переговорил с их судмедэкспертом. Шов сделан викрилом. Слой за слоем, как в операционной. Идеальный косметический шов. Тот, кто это сделал, умеет оперировать. Причем на уровне ведущего хирурга перинатального центра. Понимаешь, что это значит?

Романов смотрел на огни встречных машин, на мокрый асфальт, на город, который жил своей обычной вечерней жизнью и не знал, что где-то в лесополосе Топольска лежит мертвая беременная женщина без плода внутри.

— Понимаю, — сказал он. — Это значит, что мы имеем дело с врачом.

— Именно. Поэтому ты мне и нужен. Ты умеешь разговаривать с людьми. И ты умеешь замечать то, что другие пропускают. — Грачев помолчал еще секунду и добавил тише: — У меня плохое предчувствие, Саша. Очень плохое.

Романов не ответил. Он снова достал телефон, открыл переписку с Леной. «Еду. Буду через сорок минут». Сообщение прочитано. Ответа нет.

Он набрал новое: «Прости. Срочное дело. Позвоню, как освобожусь».

Потом развернул машину и поехал обратно к управлению.

В кабинете его ждала папка, которую уже успел собрать дежурный: протокол осмотра места происшествия, фотографии, предварительное заключение судмедэксперта. Романов сел за стол, не снимая пальто, и открыл папку.

С фотографий на него смотрела молодая женщина. Светлые волосы разметались по земле. Глаза закрыты. На лице — никаких следов страха или боли, только странное, почти неестественное спокойствие.

Он перевернул снимок.

Следующий кадр. Крупный план. Живот. Поперечный шов, ровный, как линия на карте. Ни воспаления, ни отека, ни крови. Как будто операцию делали в стерильной операционной, а не в лесу.

И внутри — пусто.

Романов долго смотрел на фотографию. Потом закрыл папку и потянулся за телефоном.

— Лена, — сказал он, когда на том конце ответили. — Прости еще раз. Но, кажется, мне понадобится твоя помощь.

Глава 2

Утро встретило Романова серым светом, сочившимся сквозь жалюзи, и остывшим кофе на краю стола.

Он не помнил, в какой именно момент задремал. Кажется, около четырех утра, когда буквы в протоколе осмотра места происшествия начали расплываться перед глазами и складываться в бессмысленные цепочки. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку, с затекшей шеей и неприятным привкусом во рту — тем самым, какой бывает после бессонной ночи в душном кабинете. На мониторе ноутбука все еще светилась открытая страница: фотография Светланы Земляковой, двадцати семи лет, сделанная за полгода до смерти. На этом снимке она еще не была беременна — просто молодая женщина с русыми волосами и немного растерянной улыбкой, какие часто бывают у людей, не привыкших позировать.

Теперь эта улыбка принадлежала уголовному делу.

Романов потерял глаза, сделал глоток холодного кофе — тот отдавал горечью и металлом — и открыл сводку, которую час назад прислал топольский отдел. За ночь ребята отработали неплохо. Личность установлена. Муж опрошен. Первый круг контактов очерчен.

Он пробежал глазами по строчкам.

Землякова Светлана Игоревна, 1996 года рождения. Уроженка города Зареченск, в Топольск переехала четыре года назад после замужества. Образование среднее специальное — медицинский колледж, специальность «сестринское дело», но по профессии не работала последние два года: уволилась, когда забеременела в первый раз. Первая беременность закончилась выкидышем на раннем сроке — двенадцать недель. Вторая — нынешняя — двадцать одна неделя, на учете в женской консультации 2 города Топольска. Врач — акушер-гинеколог Ковальчук Елена Викторовна.

Муж — Земляков Дмитрий Олегович, 1989 года рождения, работает прорабом в строительной компании «ТопольскСтрой». Заявление о пропаже жены подал три дня назад, четырнадцатого ноября. По его словам, Светлана ушла в магазин около семи вечера и не вернулась. Телефон отключен. Сумка, документы, ключи — все осталось дома. Нашли ее только вчера — семнадцатого ноября, в пять сорок утра, когда местный егерь наткнулся на тело в лесополосе у восточной окраины Топольска.

Трое суток.

Трое суток между исчезновением и обнаружением тела. Трое суток, в течение которых кто-то держал беременную женщину неизвестно где, а потом выбросил в лесополосе — обнаженную, вымытую до стерильной чистоты, с идеальным хирургическим швом внизу живота и пустотой внутри.

Романов отодвинул кружку с кофе. Аппетит пропал окончательно.

Он пролистнул дальше — к результатам вскрытия. Топольский судмедэксперт, пожилой патологоанатом по фамилии Гушин, отработал дотошно, с деревенской обстоятельностью.

«...причина смерти: острая массивная кровопотеря вследствие повреждения маточных артерий. Характер повреждений соответствует хирургическому вмешательству типа кесарева сечения. Разрез выполнен по стандартной методике Пфанненштиля — поперечный надлобковый доступ длиной 14 сантиметров. Шов послойный: брюшина — кетгут непрерывный, апоневроз — викрил 2-0 отдельными узловыми швами, подкожная клетчатка — викрил 3-0, кожа — викрил 4-0 внутрикожный косметический шов. Техника исполнения безупречна, свидетельствует о высокой квалификации оперировавшего...»

Романов остановился. Перечитал последнюю фразу еще раз. «Безупречна». Патологоанатом, который за свою карьеру повидал сотни трупов со следами самых разных медицинских вмешательств — от пьяных кесаревых в районных больницах до аккуратных пластических операций, — написал слово «безупречна» в отношении шва, оставленного убийцей на теле жертвы.

Это о многом говорило.

Он читал дальше.

«...плод и плацента отсутствуют. Следы насильственных действий сексуального характера не обнаружены. Телесные повреждения, не связанные с хирургическим вмешательством, отсутствуют. Гематом в месте инъекций не выявлено, однако при микроскопическом исследовании тканей в области правой подключичной вены обнаружен точечный след, соответствующий пункции сосуда медицинской иглой калибра 18G. Предположительно — место катетеризации центральной вены...»

Вот оно. Первая зацепка.

Убийца не просто вырезал плод. Он катетеризировал жертву. Ставил центральный венозный катетер — процедура, которую не проводят в подворотне, для которой нужен навык, инструмент и понимание анатомии. Игла калибра 18G — это не шприц для внутримышечных инъекций, это серьезный доступ, какой ставят в реанимации или операционной.

Он читал дальше, уже не моргая.

«...в трахее и гортани — микроскопические повреждения слизистой, характерные для интубации эндотрахеальной трубкой. Повреждения прижизненные, без признаков воспаления, что указывает на краткий промежуток между интубацией и смертью...»

Интубация. Катетеризация центральной вены. Хирургический разрез по Пфанненштилю. Послойный шов викрилом.

Это был не просто врач. Это был врач, который работал в операционной. Который знал протокол анестезиологического пособия. Который понимал, как поддерживать жизнь пациента на операционном столе.

Романов отодвинул сводку и несколько минут сидел неподвижно, глядя в стену. За окном занимался хмурый ноябрьский день. В коридоре уже слышались шаги — сотрудники начинали подтягиваться к девяти. Где-то хлопнула дверь, зазвонил телефон.

Он подумал о том, что сказал Грачев вчера вечером: «У меня плохое предчувствие, Саша».

Теперь это предчувствие появилось и у него.

В десять утра он уже сидел в кабинете начальника топольского отдела — маленьком, прокуренном, с портретом президента на стене и допотопным кондиционером, который не работал со времен прошлого губернатора. Начальник, майор Круглов, оказался грузным мужчиной лет пятидесяти с лицом человека, который давно не спал и еще дольше не радовался жизни. Он говорил короткими рублеными фразами, будто отдавал команды.

— Дело — дрянь. У нас такого никогда не было. Топольск — город тихий. Убийства случаются, но бытовые: муж жену по пьяни, сосед соседа из-за земельного участка. Чтобы вот так, с больничным почерком... — Он покачал головой и закурил, не спрашивая разрешения. — Гуцин, наш патологоанатом, сказал, что за сорок лет практики такого шва не видел. А он видел всякое.

— Где сейчас тело? — спросил Романов.

— У Гуцина в морге. Ждет, когда заберете. Я распорядился — отдадим вам в область, у нас все равно нет условий для таких экспертиз. Но первичное вскрытие он сделал, протокол у тебя.

Романов кивнул.

— Мне нужно поговорить с мужем.

Круглов усмехнулся, выпустил струю дыма в потолок.

— Муж — первое, что мы отработали. Алиби у него железное. Когда жена пропала, он был на объекте в Зареченске, это подтверждают восемь человек, табель учета рабочего времени и записи с камеры на проходной. В Топольск вернулся только на следующий день, когда соседка позвонила и сказала, что Светлана не ночевала дома. Сразу пошел в полицию, написал заявление. На допросе плакал. Я таких видел — это не игра.

— И все же я хочу с ним поговорить.

— Дело твое. — Круглов затушил сигарету в жестяной банке из-под кофе. — Адрес я тебе дам. Но учти: он сейчас в тяжелом состоянии, врачи вкатили ему седативное. Светлана была беременна, он ждал ребенка. Теперь — ни жены, ни дочери.

— Дочери? — переспросил Романов.

— Ну да. Они знали пол. Девочка. Хотели назвать Алисой.

В кабинете повисла тишина. Романов смотрел на Круглова, Круглов смотрел в стол. За окном моросил дождь — мелкий, ноябрьский, от которого нет спасения ни под зонтом, ни под воротником.

— Я поговорю с ним завтра, — сказал наконец Романов. — А пока мне нужны ее медицинские карты. Женская консультация, врач, у которого она стояла на учете. Список контактов за последний месяц. Детализация звонков. Места, где она появлялась чаще всего — соцсети, геолокация, все что есть.

— Этим уже занимается наш опер, лейтенант Соболев. — Круглов оживился, будто обрадовавшись возможности перевести разговор в рабочее русло. — Молодой, шустрый. Он тебе все соберет. Но кое-что могу сказать уже сейчас.

— Что именно?

Круглов порылся в ящике стола и вытащил протокол дополнительного осмотра, подписанный Гущиным. Подвинул через стол Романову.

— Вот, почитай. Это Гушин обнаружил при вскрытии, когда осматривал область шва. В подкожной клетчатке, прямо над лобковой костью — небольшая полость. Как будто там что-то лежало, а потом это что-то извлекли.

Романов взял протокол. Гушин писал мелким, убористым почерком, с частыми сокращениями, но главное было понятно сразу.

«...в подкожной жировой клетчатке над лонным сочленением, латеральнее операционного шва на 2 см, обнаружена сформированная соединительнотканная капсула овальной формы размерами 7×4×3 мм. Стенки капсулы гладкие, без признаков воспаления и некроза. Внутренняя полость пуста. Характер образования позволяет предположить, что в данном ложе находился некий инородный объект небольших размеров, извлеченный посмертно либо незадолго до смерти. Объект не обнаружен. Края капсулы не повреждены, что указывает на аккуратное извлечение предмета. Рекомендую дополнительную экспертизу...»

Романов поднял глаза на Круглова.

— Капсула. Это не просто разрез — в нее что-то вживили, а потом достали.

— Именно. Гушин говорит, что соединительная ткань формируется не за пару часов. Чтобы образовалась такая капсула, инородное тело должно было находиться в теле не меньше нескольких дней. Может, больше. Он сейчас пытается точнее определить срок по степени организации коллагеновых волокон, но предварительно — дней пять, не меньше.

Романов отложил протокол. Картина усложнялась.

— То есть ее держали где-то пять дней. Вживили что-то под кожу. А перед тем как выбросить тело — извлекли обратно.

— Выходит, так. — Круглов снова закурил, не спрашивая разрешения. — И вот еще что. Я тут подумал: а что, если он не просто избавляется от плодов? Что, если ему нужно что-то еще? Что, если он что-то измеряет? Что-то отслеживает?

Романов молчал, глядя на протокол. Соединительнотканная капсула. Ложе для инородного объекта. Что-то было вживлено в тело беременной женщины, что-то небольшое — семь на четыре на три миллиметра, — а потом аккуратно извлечено.

Что-то, что убийца не хотел оставлять.

Что-то, что было ему дороже, чем сам плод.

— Я хочу видеть место, где ее нашли, — сказал он наконец. — Лесополосу.

— Отвезу, — кивнул Круглов. — Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Лесополоса начиналась в километре от восточной окраины Топольска — узкая полоса деревьев, отделявшая город от старого карьера. Место было глухое, но не совсем безлюдное: где-то в отдалении проходила грунтовка, по которой ездили рыбаки и грибники в сезон. Сейчас, в конце ноября, здесь не было ни души.

Машину они оставили на обочине и пошли пешком — Романов, Круглов и молодой оперативник, лейтенант Соболев, которого приставили к делу в качестве связного от топольского отдела. Соболев оказался парнем лет двадцати пяти, с живыми глазами и привычкой говорить быстрее, чем думать, но для дела это было даже кстати: он успел собрать информацию, на которую у других ушла бы неделя.

— Вот здесь, — сказал он, останавливаясь у поваленного дерева. — Егерь нашел ее прямо тут. Тело лежало на спине, руки вдоль туловища. Одежды никакой. Поза — как в гробу. Он сначала подумал, что это манекен, — настолько все было неправильное, что ли.

Романов огляделся. Место было выбрано с расчетом: достаточно далеко от дороги, чтобы тело не нашли сразу, но достаточно близко, чтобы его гарантированно обнаружили в течение нескольких дней. Лесополоса не была чащей — здесь просматривались тропы, сюда заходили люди.

Убийца хотел, чтобы тело нашли.

Это было важно. Это означало, что ему не все равно, что будет с телом после. Ему было важно, чтобы его работу увидели. Или — чтобы тело не пропало бесследно, не сгнило в неизвестности.

— Соболев, — позвал он. — Что по контактам?

Лейтенант вытащил из планшета распечатку.

— Телефон проверили. Последние три месяца — ничего подозрительного. Звонки мужу, маме в Зареченск, подруге, с которой она училась в медколледже. Несколько звонков в женскую консультацию. Один входящий с неизвестного номера за два дня до исчезновения — номер одноразовый, сим-карта куплена без паспорта, сейчас пробиваем по биллингу, но там глухо.

— Интернет?

— Соцсети стандартные. Последний месяц активно сидела на форумах для беременных. Обсуждала выбор роддома, коляски, анализы. Никаких конфликтов, никаких подозрительных знакомств. Мы прочитали всю переписку — там вообще ничего интересного, один детский лепет.

— Геолокация?

— За месяц до исчезновения — дом, магазины, консультация, два раза в гости к подруге на другой конец города. Все. Никуда не выезжала, ни с кем не встречалась, кроме своего круга. Тихая, домашняя, беременная женщина, которая ждала ребенка и никому не мешала.

Романов прошелся по поляне, глядя под ноги. Земля была влажной после ночного дождя, но следов здесь уже не осталось — эксперты поработали, да и время стерло все, что могло быть.

— А что по врачу? — спросил он. — Ковальчук Елена Викторовна?

— Да. Работает в женской консультации 2, стаж семнадцать лет. Мы с ней поговорили вчера. Она была в шоке, когда узнала. Сказала, что Светлана была абсолютно здоровой пациенткой, без патологий, анализы в норме, УЗИ без отклонений. Последний прием был за пять дней до исчезновения. Никаких тревожных сигналов.

— А сама Ковальчук? Не замечена ни в чем?

Соболев пожал плечами.

— Проверяли. Чисто. Жалоб на нее за всю практику — ноль. Репутация безупречная. Кроме того, у нее железное алиби на момент исчезновения Земляковой: она была на суточном дежурстве в роддоме. Это подтверждают коллеги и записи с камер.

Романов кивнул. Он не ожидал, что врач окажется убийцей — это было бы слишком просто. Но проверить нужно было обязательно: убийца явно имел доступ к медицинским знаниям, и первым, кто попадал под подозрение, был тот, кто имел контакт с жертвой по медицинской линии.

— Мне нужны все акушеры-гинекологи в радиусе двухсот километров, — сказал он, обращаясь к Круглову. — Не только практикующие, но и бывшие. Те, кто уволился за последние пять лет. Те, кто имел доступ к операционным. Хирурги, анестезиологи, реаниматологи. Все, кто умеет делать кесарево сечение и ставить центральный венозный катетер.

— Это сотни людей, — нахмурился Круглов.

— Значит, будем отрабатывать сотни. — Романов сунул руки в карманы пальто. — Потому что этот человек не остановится. Я не знаю, зачем он это делает, но такие не останавливаются.

Круглов и Соболев переглянулись.

— Ты думаешь, будет продолжение? — спросил майор.

Романов посмотрел на голые деревья, на серое небо, на мокрую землю под ногами. Где-то вдалеке каркнула ворона — резко, как сигнал тревоги.

— Уверен, — сказал он. — Он только начал.

Вечером того же дня он сидел в своем кабинете в Горчанске и раскладывал на столе собранные материалы. Фотография Светланы Земляковой. Протокол вскрытия. Описание соединительнотканной капсулы. Распечатка звонков. Список акушеров-гинекологов области — Круглов прислал его час назад, в списке было больше четырехсот фамилий.

За окном снова моросил дождь. Город гудел вечерними пробками. Где-то далеко, за бетонными коробками спальных районов, за серыми улицами и мокрыми парками, лежал лес. Чашоба — так называлось это место на старых картах, вспомнил он вдруг. Огромный массив труднопроходимого леса, раскинувшийся между Горчанском, Зареченском и Топольском. Треугольник. В самом центре этого треугольника кто-то прятал свой секрет.

Телефон на столе зажужжал. Лена.

— Ты опять не спал, — сказала она вместо приветствия.

— Было дело.

— Я прочитала то, что ты прислал. Протокол вскрытия, фотографии. Особенно это... про капсулу.

— И что думаешь?

На том конце помолчали. Романов слышал, как она дышит — размеренно, спокойно, как всегда, когда она обдумывала сложный вопрос.

— Я думаю, что он не садист. Он не пытается. Он не насилует. Он не получает удовольствия от страданий. Он вообще не относится к жертве как к человеку. Она для него — материал. Средство. Инструмент для достижения какой-то цели.

— Какой цели?

— Этого я пока не знаю. Но эта капсула... В нее что-то вживили, а потом достали. Причем достали аккуратно, не повредив стенки. Значит, предмет был важен. Его не просто извлекли — его сохранили. Это как если бы он что-то измерял. Что-то мониторил. А потом забрал данные.

Романов записал это в блокнот. Капсула — измерительное ложе. Предмет — извлечен и сохранен.

— Что-то еще?

— Еще? — Лена снова помолчала. — Будь осторожен, Саша. Тот, кто это делает, очень умен. И очень убежден в своей правоте. Такие люди не идут на сделку с совестью. Они вообще не имеют совести в обычном понимании. У них есть миссия.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что чистота, — сказала она. — Эта стерильная чистота — она не для того, чтобы скрыть улики. Вернее, не только для этого. Это ритуал. Он уважает свою работу. Он гордится ею. И он будет продолжать, пока не достигнет того, чего хочет. Или пока мы его не остановим.

Романов закрыл глаза. Перед ним снова встала картина: разрез по Пфанненштилю, ровный, как по линейке, и слова патологоанатома — «техника безупречна». А теперь еще и капсула — крошечное ложе в подкожной клетчатке, пустое и аккуратное, как гнездо, из которого вылетела птица.

Безупречная техника.

Безупречная чистота.

Безупречное безумие.

— Завтра я еду в Зареченск, — сказал он. — Там ее мать. И еще — надо проверить медколледж, где она училась. Может, там кто-то из бывших однокурсников пошел в акушеры.

— Я с тобой.

— Не надо. Ты нужна здесь. Просмотри списки акушеров — всех, кто уволился за последние пять лет. Меня интересуют те, кто потерял близких. Особенно — потерял ребенка.

— Думаешь, это связано?

— Пока не знаю. Но кто-то же научил его ненавидеть беременность.

Он положил трубку и еще долго сидел в тишине, глядя на фотографию улыбающейся женщины, которая уже никогда не узнает, что ее дочь собирались назвать Алисой.

Глава 3

Неделя прошла впустую.

Романов понял это в пятницу вечером, когда сидел в своем кабинете и смотрел на доску с фотографиями — ту самую, которую они с Соболевым соорудили на третий день расследования. В центре — Светлана Землякова. Вокруг — линии, ведущие к разным секторам: «Род-

ственники», «Друзья», «Медицинские контакты», «Подозреваемые». Линии тянулись, ветвились, но все они заканчивались тупиком.

Родственники: мать в Зареченске, убитая горем, способная только плакать и повторять, что Светочка была ангелом и никому не сделала зла. Отец умер восемь лет назад — инфаркт. Брат живет в Новосибирске, не виделся с сестрой два года, алиби подтверждено. Муж — все еще под седативными, но проверен досконально: записи с камер на стройплощадке в Зареченске, восемь свидетелей, табель учета рабочего времени. Ни одной зацепки.

Друзья: две подруги, с которыми Светлана училась в медколледже. Одна в декрете, вторая работает медсестрой в горчанской областной больнице. Обе искренне потрясены, обе не знают за Светланой ничего такого, что могло бы навести на след. Ни тайных поклонников, ни конфликтов, ни странных знакомств. Обычная женщина, обычная жизнь, обычная беременность.

Коллеги по медколледжу: список из сорока двух человек. Девятнадцать работают по специальности, из них четверо — в акушерстве. Все четверо проверены, у всех алиби. Остальные разбросаны по стране, их проверяют местные отделы, но Романов не ждал от этого направления прорыва — слишком мелкая сеть.

Медицинские контакты: женская консультация 2, врач Ковальчук, медсестры, регистра- тура. Все опрошены, все чисты. Ковальчук — железное алиби, суточное дежурство в роддоме, записи с камер, коллеги-свидетели.

Он перевел взгляд на сектор «Подозреваемые».

Здесь было интереснее — и одновременно безнадежнее всего.

Идея Романова оказалась верной: они начали с акушеров-гинекологов, которые пережили потерю ребенка. Список из четырехсот с лишним фамилий, присланный Кругловым, сократился до сорока после первичного отсева. Сорок — это те, кто имел хирургическую практику, работал с беременными и потенциально мог выполнить кесарево сечение в полевых условиях.

Дальше в дело вступили психологи: отсеяли тех, у кого не было личных трагедий. Осталось девять.

Девять человек. Девять врачей, которые в разное время потеряли детей.

Романов лично допрашивал каждого.

Первый — акушер-гинеколог из Горчанска, потерял сына в автокатастрофе. Сыну было четырнадцать. Второй — анестезиолог из Зареченска, дочь утонула в восемь лет. Третий — хирург областной больницы, выкидыш у жены на двадцать седьмой неделе. Четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой — у всех одно и то же: горе, сломанные судьбы, но ни одного новорожденного. Ни одного случая, похожего на СВСМ. Ни одного ребенка, умершего в первые месяцы жизни.

Девятым был Комаров Виктор Степанович, сорок четыре года, бывший акушер-гинеколог из Топольска.

С него и начались надежды — если можно назвать надеждой подозрение на человека.

Комарова судили семь лет назад. Статья 131 УК — изнасилование. Пациентка обвинила его в том, что он надругался над ней во время осмотра. Дело развалилось в суде: не хватило доказательств, экспертиза не подтвердила факт насилия, пациентка забрала заявление. Но репутация была уничтожена. Из больницы Комарова уволили — не по статье, а «по собственному желанию», но все понимали, что это значит. Жена ушла, забрав дочь. Он запил, потом закодировался, сейчас работал фельдшером в частном пансионате для престарелых в пригороде Топольска.

Романов допрашивал его четыре часа.

Комаров оказался сломленным, но не сломанным — в его глазах еще теплился какой-то огонек, не потухший за годы унижений. Он отвечал спокойно, без истерики, признавал, что были грехи: пил, дебоширил, пытался покончить с собой после суда. Но когда речь зашла о Светлане Земляковой, он посмотрел Романову в глаза и сказал:

— Я понимаю, почему вы здесь. Репутация — такая штука, от нее не отмоешься. Но у меня есть алиби. В день, когда пропала эта женщина, я был на суточном дежурстве в пансионате. Там шестьдесят лежачих стариков и четыре санитарки, которые видели меня каждые полчаса. Проверьте.

Они проверили.

Железобетонно. Камеры видеонаблюдения в коридорах пансионата, записи в журнале дежурств, показания санитарок и ночной медсестры. Комаров не отлучался ни на минуту в течение двадцати четырех часов.

Еще один тупик.

Романов захлопнул папку и откинулся на спинку кресла. За окном уже стемнело — ноябрьские дни короткие, как вдох перед прыжком. В коридоре гудели лампы, где-то хлопала дверь, и каждый звук отдавался в голове глухим эхом недосыпа.

Телефон зажужжал. Лена.

— Я посмотрела списки, — сказала она без предисловий. — Все девять — мимо. Я перепроверила каждого через базу ЗАГСа: у всех дети старше года. Ни одного новорожденного. Ни одного случая смерти в перинатальном периоде.

— Значит, мы ищем не среди акушеров.

— Либо он вообще не состоит на учете как потерявший ребенка.

Романов потер переносицу. Эта мысль приходила ему в голову и раньше — что убийца может скрывать свою трагедию, что она не зафиксирована в официальных базах, что ребенок мог умереть незарегистрированным или за границей. Но это означало расширить круг поиска до бесконечности.

— А что по капсуле? — спросил он. — Гущин что-то нашел?

— Как раз об этом хотела сказать. Гущин прислал гистологию. Стенки капсулы выстланы зрелым коллагеном, местами — гиалиноз. Это значит, что инородное тело находилось там не меньше пяти дней. Может, неделю. И еще: он нашел микроскопические следы на внутренней поверхности.

— Какие следы?

— Силикон. Медицинский силикон высокой очистки, какой используют в имплантах и биосенсорах. Это не бытовой материал. Это лабораторный.

Романов записал в блокнот: «Силикон медицинский. Лабораторное происхождение». Обвел несколько раз.

— Значит, мы ищем не просто врача. Мы ищем кого-то, кто имел доступ к экспериментальному оборудованию. К медицинским приборам замкнутого цикла.

— Или к исследовательскому центру, — добавила Лена. — Я пробила медицинский силикон. Его используют в биосенсорах для непрерывного мониторинга. Есть несколько лабораторий в стране, которые работают с такими материалами. Одна из них — в Новосибирске, это далеко. Но вторая — в Горчанске. На базе медицинского университета.

— Что за лаборатория?

— Кафедра биомедицинской инженерии. Они занимались разработкой имплантируемых датчиков для мониторинга состояния плода. Проект закрыли несколько лет назад — не хватило финансирования. Но оборудование и материалы должны были остаться.

Романов почувствовал, как где-то в глубине сознания что-то щелкнуло — едва слышно, как сработавший замок.

— Кто руководил проектом?

— Профессор Князев. Ему сейчас под семьдесят, он на пенсии. Но я проверила: он жив, живет в Горчанске. И более того — он был научным руководителем у нескольких аспирантов, которые потом ушли в практическую хирургию. В том числе — в акушерство.

— Мне нужны имена аспирантов. Все, кто работал над проектом.

— Уже делаю. Но, Саша... — Лена замолчала, и в этой паузе он услышал то, что слышал уже много раз за эту неделю: усталость, смешанную с тревогой. — Прошла неделя. Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю.

— Неделя — это срок. Если он следует какому-то графику...

— Я знаю.

Он положил трубку и несколько минут сидел в тишине, глядя на доску с фотографиями. Светлана Землякова смотрела на него с центрального снимка — молодая, светловолосая, с той самой растерянной улыбкой. Под ней — дата исчезновения: 14 ноября. Дата обнаружения: 17 ноября. Сегодня было 24 ноября. Прошло десять дней с момента ее исчезновения и ровно неделя с того момента, как он взялся за дело.

Неделя без единого существенного результата.

Он думал о словах Лены: «Такие не останавливаются». Думал о капсуле — крошечном ложе в подкожной клетчатке, высланном коллагеном, хранящем микроскопические следы медицинского силикона. Думал о девяти врачах, которые потеряли детей, но не тех, кого он искал. Думал о профессоре Князеве и его закрытом проекте.

Где-то в этом уравнении была переменная, которую он упускал. Где-то был человек, который знал о разработке биосенсоров. Который умел оперировать на уровне ведущего хирурга. Который не оставлял следов. Который вымывал тела спецраствором и зашивал разрезы викрилом 4-0, как будто заботился о шраме. Который вживлял что-то в тело жертвы, ждал несколько дней, а потом извлекал — аккуратно, не повредив капсулу.

И этот человек сейчас был на свободе.

Телефон зазвонил снова. На экране высветилось: «Круглов».

Романов ответил мгновенно — слишком мгновенно, как отвечают люди, которые ждали звонка и боялись его одновременно.

— Да.

— Романов. — Голос Круглова был глухим, подавленным, как будто он говорил сквозь сжатые зубы. — У нас вторая.

В кабинете стало очень тихо. Даже лампы под потолком, казалось, перестали жужжать.

— Где? — спросил Романов, уже зная ответ.

— Топольск. Лесополоса у Южного карьера, в трех километрах от первой точки. Тело нашли полчаса назад. Женщина. Беременная. Голая. Тот же шов.

Круглов замолчал. Романов слышал, как он дышит — тяжело, с присвистом, как дышит человек, который только что поднялся по лестнице.

— Ковальчук? — спросил Романов.

— Да. Та же консультация. Тот же врач. И такое же алиби — она была на дежурстве, когда пропала эта девушка.

— Имя жертвы?

— Миронова Алина Ренатовна, двадцать пять лет. Беременность первая, срок двадцать три недели. Муж написал заявление о пропаже позавчера. — Круглов помолчал. — И еще кое-что. Гушин уже осмотрел тело. Говорит, та же картина: в подкожной клетчатке над лобком — капсула. Пустая. Как и у первой.

Романов закрыл глаза.

— Я выезжаю.

Он положил трубку и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на доску с фотографиями. Потом поднялся, снял с вешалки пальто и вышел в коридор, где уже никого не было, кроме тусклых ламп и эха его собственных шагов.

Вторая.

Он знал, что это случится. Знал с того самого момента, когда увидел первый шов — идеальный, безупречный, как подпись мастера. И первую капсулу — крошечную пустоту в теле, которая говорила громче любых улик.

Такие люди не останавливаются.

В Топольск он приехал затемно.

Мокрый снег, обещанный синоптиками, наконец пошел — тяжелыми хлопьями, которые таяли на асфальте и превращали дорогу в черное зеркало. Фары встречных машин отражались в лужах и слепили глаза. Романов вел машину молча, прокручивая в голове одни и те же мысли.

Вторая жертва. Тот же город. Та же консультация. Тот же врач.

Это не могло быть совпадением.

Либо Ковальчук как-то связана с убийцей — сама того не зная, либо... Либо убийца выбирает жертв не случайно. Либо его связывает с ними что-то, чего они пока не видят.

Круглов ждал его у здания топольского отдела. Курил на крыльце, несмотря на снег, и лицо у него было серым — то ли от холода, то ли от новостей.

— Личность установили быстро, — сказал он вместо приветствия. — При ней были документы. Точнее, их положили рядом с телом — аккуратной стопкой. Паспорт, медицинский полис, обменная карта.

— Обменная карта? — Романов остановился.

— Да. Та самая, которую заводят в женской консультации. Мы проверили: консультация 2, врач Ковальчук Елена Викторовна.

Романов зашел в здание и сразу направился в кабинет, где уже разложили материалы. Фотографии. Протокол осмотра. Предварительное заключение судмедэксперта.

Он просматривал их один за другим, и с каждым снимком холод внутри становился все ощутимее.

Тело лежало в лесополосе — на этот раз у Южного карьера, в трех километрах от первого места. Поза та же: на спине, руки вытянуты, ноги сведены. Лицо спокойное, без следов страха. Нижняя часть живота — свежий шов, викрил 4-0, внутрикожный, косметический.

Он перешел к протоколу.

«...причина смерти: острая массивная кровопотеря вследствие повреждения маточных артерий. Характер повреждений соответствует хирургическому вмешательству типа кесарева сечения. Плод и плацента отсутствуют. В области правой подключичной вены — точечный след пункции, соответствующий катетеризации иглой 18G. Слизистая гортани и трахеи — микро-травмы, характерные для интубации. Кожные покровы обработаны дезинфицирующим раствором на основе четвертичных аммониевых соединений. Потожировые следы, волосы, эпителий постороннего лица — отсутствуют...»

Все то же самое. Каждая деталь, каждая улика — точное повторение.

И в самом низу страницы, приписка Гущина, почти слово в слово повторяющая заключение по первой жертве:

«В подкожной жировой клетчатке над лонным сочленением, латеральнее операционного шва, обнаружена сформированная соединительнотканная капсула овальной формы размерами 8×5×3 мм. Внутренняя полость пуста. Характер образования аналогичен обнаруженному у первой жертвы. При гистологическом исследовании — зрелый коллаген, признаки организации стенки длительностью не менее 5–7 дней. На внутренней поверхности — микроскопические следы медицинского силикона. Инородный объект извлечен неустановленным способом...»

Вторая капсула.

Те же размеры — почти те же. Та же длительность — пять-семь дней. Те же следы силикона. Та же пустота внутри.

Романов отложил протокол и долго сидел неподвижно, глядя в стену.

Две жертвы. Две капсулы. Два плода, извлеченных с хирургической точностью. И ни одной зацепки, которая могла бы привести к убийце — кроме той, которую он оставлял намеренно.

Шов.

Он оставлял шов.

И он оставлял пустоту.

— Я запросил записи с камер у консультации, — сказал Круглов, заглядывая в кабинет. — И у роддома тоже. Ковальчук действительно была на дежурстве, когда пропала Миронова. Двадцать четыре часа в роддоме, зафиксировано журналом, камерами и тремя свидетелями. Она физически не могла этого сделать.

Романов кивнул, не оборачиваясь. Он и не думал, что Ковальчук — убийца. Слишком очевидно, слишком просто. Но совпадение с консультацией не давало покоя. Две жертвы. Один врач. Одно медицинское учреждение.

— Мне нужны списки всех пациенток Ковальчук за последние полгода. Всех, кто стоит на учете в консультации 2 на сроке от двадцати недель и выше. И всех, кто недавно снялся с учета или перевелся в другую консультацию.

— Думаешь, он выбирает жертв по базе?

— Не знаю. Но у него есть доступ к информации о беременных женщинах. К их срокам, к их адресам, к их расписанию. Он знает, когда они одни, когда выходят из дома, где живут. Такую информацию не берут из воздуха. Ее берут из медицинских карт.

Круглов хмыкнул и вышел, оставив Романова одного.

Александр еще раз посмотрел на фотографию Алины Мироновой. Двадцать пять лет. Темные волосы, короткая стрижка, серьезный взгляд. Она смотрела в объектив так, будто знала что-то, чего не знал фотограф.

Первая была светловолосой. Вторая — темноволосой. Никакого внешнего сходства. Никакой связи между жертвами — кроме беременности, консультации и смерти.

И двух одинаковых капсул — пустых, аккуратных, как гнезда, из которых что-то вылетело.

Он выключил свет и вышел в коридор. Там было пусто и тихо, только где-то на первом этаже гудел автомат с кофе. Он спустился вниз, купил стаканчик — кофе оказался таким же холодным и горьким, как тот, что он пил неделю назад, — и сел на скамейку у окна.

Снег за окном усиливался. Белые хлопья летели косо, гонимые ветром, и оседали на мокром асфальте.

Две жертвы. Два трупа за десять дней. Два плода, извлеченных с хирургической точностью. Две пустые капсулы в подкожной клетчатке.

Если это не остановить — будет третья.

Он знал это так же точно, как знал, что завтра утром ему придется звонить мужу Алины Мироновой и задавать вопросы, на которые не существует правильных ответов.

Телефон в кармане зажужжал. Сообщение от Лены: «Я нашла список сотрудников проекта Князева. Там шесть человек. Один из них уволился из университета пять лет назад. Сразу после того, как у него умер новорожденный ребенок. СВСМ. Я проверяю дальше».

Романов прочитал сообщение дважды.

СВСМ. Синдром внезапной детской смерти.

Он не знал, почему это важно. Но что-то в этих четырех буквах заставило его сердце биться быстрее.

Глава 4

Второй допрос Ковальчук Романов начал в девять утра и закончил в половине первого. Три с половиной часа он сидел напротив женщины, которая, по всем законам логики, должна была быть ключом к разгадке, и с каждой минутой все отчетливее понимал: не она. Не имеет значения, что обе жертвы ходили в одну консультацию, к одному врачу, в одни и те же дни недели. Не имеет значения, что совпадений было больше, чем позволяла теория вероятности. Елена Викторовна Ковальчук, сорок три года, семнадцать лет стажа, двое своих детей и триста с лишним принятых родов, не была убийцей. Не была сообщницей. Не знала вообще ничего.

Он видел это по тому, как она смотрела на фотографии жертв — с ужасом, который не подделать. По тому, как у нее дрожали руки, когда она листала свои же медицинские карты, пытаясь найти хоть что-то, что могло бы помочь. По тому, как она заплакала — беззвучно, скупно, по-врачебному сдерживаясь, — когда он спросил, не замечала ли она кого-то постороннего в консультации в последние недели.

— У нас каждый день десятки женщин, — сказала она, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Беременные, мамочки с колясками, те, кто только планирует. Кто угодно мог зайти. Я не смотрела. Я никогда не думала, что...

Она не договорила. Романов не стал заканчивать за нее фразу — он знал, что она хотела сказать. «Я никогда не думала, что среди моих пациенток окажется убийца». Или — «что кто-то будет выбирать жертв по моим картам». Или просто — «что такое вообще возможно».

Он закрыл блокнот и вышел из кабинета, оставив ее с молодым оперативником, который должен был оформить протокол. В коридоре было пусто и тихо. За окнами допросной падал снег — третий день подряд, без перерыва, заваливая Топольск сугробами по колено. Романов прислонился спиной к холодной стене и закрыл глаза.

Если б его попросили — он мог бы поклясться. Не как следователь, а как человек, который за двенадцать лет научился чувствовать ложь кожей. Ковальчук была не при чем.

Это означало, что они топчутся на месте.

В управление он вернулся к часу дня. Соболев уже ждал его с новыми данными — Князев и его аспиранты. Лена переслала полный список: шесть человек, все с медицинским образованием, все участвовали в проекте по разработке имплантируемых биосенсоров. Пятеро до сих пор работали в Горчанске и Зареченске, в государственных и частных клиниках, шестой уволился пять лет назад — сразу после того, как у него умер новорожденный ребенок. Синдром внезапной детской смерти. Мальчик, три месяца. Заключение о смерти Романов запро-

сил отдельно, и оно лежало перед ним на столе — сухое, казенное, с формулировкой «причина смерти не установлена».

Шестого звали Григорий Ильич Сафронов. Тридцать девять лет. Хирург-акушер. Бывший аспирант кафедры биомедицинской инженерии Горчанского медицинского университета. Уволился через две недели после смерти сына. С тех пор не работал ни дня — по документам, числился на инвалидности по психиатрическому профилю. Жил в Зареченске, в квартире покойной матери.

— Вот он, — сказал Романов, пододвигая папку Соболеву. — Все сходится. Медицинское образование. Доступ к технологии биосенсоров. Потеря новорожденного ребенка. Психиатрический диагноз. Пять лет вне медицины — достаточно времени, чтобы подготовиться.

Соболев пролистал папку и присвистнул.

— Я его пробью по базам. Может, он где-то засветился.

— И проверь алиби на даты исчезновения обеих жертв. Мне нужно знать, где он был четырнадцатого и двадцать первого ноября.

Соболев кивнул и вышел, а Романов остался сидеть над разложенными бумагами. Он смотрел на фотографию Сафронова — худая мужская фигура, темные волосы с проседью, взгляд исподлобья, — и пытался представить, как этот человек держит в руках скальпель. Получалось легко. Слишком легко.

Через два часа Соболев вернулся. И по его лицу Романов понял: опять.

— Алиби у него железное, Александр Андреевич. Четырнадцатого ноября он был на приеме у психиатра в Зареченске — это подтверждено записью в журнале и показаниями врача. Двадцать первого ноября — лежал в дневном стационаре. Камеры, журналы, свидетели. Он вообще не покидал Зареченск в эти дни.

— А в другие дни? Между похищением и обнаружением тел? Там промежуток в трое-четыре суток.

— Проверили. У него зафиксированы ежедневные визиты в стационар — он на учете, обязан отмечаться. Плюс камеры в подъезде его дома. Он физически не мог провести несколько дней где-то за городом, удерживая жертву. Его бы хватились.

Романов откинулся на спинку кресла. В голове звенела пустота — та самая, которая приходит на смену надежде, когда надежда оказывается ложной.

— Значит, и это не он.

— Или у него есть сообщник.

— Нет. — Романов покачал головой. — Такие люди не работают с сообщниками. Это одиночка.

Соболев стоял у двери, переминаясь с ноги на ногу. Видно было, что он хочет что-то сказать, но не решается.

— Что еще? — спросил Романов.

— Да так... Звонили из Горчанска. Из аппарата полковника Грачева. Интересуются, когда будут результаты.

Романов ничего не ответил. Он знал, что это значит. В верхах начиналось шевеление — то самое, которое всегда начинается, когда дело резонансное, а результатов нет. Две убитые беременные женщины. Две пустые капсулы в телах. Две недели расследования — и ни одного подозреваемого. Журналисты пока молчали, но это был вопрос времени. Дня, может, двух.

Телефон зазвонил. Грачев.

— Я слушаю, Сергей Викторович.

— Романов, ты меня знаешь. Я не любитель давить на своих людей. Но сверху мне звонят по два раза в день. Требуют объяснений. Что мне им сказать?

Романов потер переносицу. Усталость накапливалась незаметно, как вода в трюме, и сейчас он чувствовал, что она уже подступает к горлу.

— Скажи, что мы отрабатываем все версии. Что круг сузился.

— Суженный круг — это всегда хорошо. А что на самом деле?

— На самом деле у нас ничего. Две жертвы, один почерк, ноль улик. Девять подозреваемых акушеров — у всех алиби. Шесть участников проекта Князева — у всех алиби. Ковальчук не при чем. Связей между жертвами нет, кроме консультации и врача. Мы проверяем списки пациенток, но это сотни женщин.

На том конце помолчали.

— И что ты планируешь делать?

Романов посмотрел в окно. Снег все падал — густой, тяжелый, декабрьский снег, хотя на календаре был еще ноябрь. Где-то там, в этом снежном безмолвии, между тремя городами, в треугольнике, накрывшем Горчанск, Зареченск и Топольск, лежал лес. Чащоба. И в этом лесу — он чувствовал это нутром, той самой интуицией, которую выработал за годы службы, — прятался человек. Человек, который не оставлял следов. Человек, который ждал. Человек, который сейчас, возможно, выбирал третью.

— Я думаю, нам надо прекратить ждать, — сказал он. — Мы можем вечно проверять алиби и перебирать списки. А он будет убивать. Каждую неделю, каждые десять дней — мы не знаем его графика, но он явно придерживается какого-то ритма. Двадцать одна неделя, двадцать три. Следующая будет на двадцать пятой.

— К чему ты клонишь?

— К приманке.

Грачев замолчал. Романов слышал, как он закуривает — сухой щелчок зажигалки, короткий вдох.

— Ты хочешь подослать к нему беременную женщину?

— Не настоящую. Подставную. Сотрудницу полиции, которая согласится изображать беременную. Мы создадим профиль в соцсетях, заведем карту в консультации 2 — там, где он берет жертв. Засветим ее в тех же местах, где появлялись Землякова и Миронова. Будем ждать.

— Это риск.

— Это меньшее зло. Либо мы попытаемся его опередить, либо будем сидеть и ждать третьего трупа. А потом четвертого. А потом пятого. Ты сам сказал — такие не останавливаются.

Грачев долго молчал. Романов слышал, как он дышит — размеренно, тяжело, как человек, который прикидывает варианты и не находит ни одного хорошего.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я поддержу тебя перед руководством. Но мне нужен план. Подробный. Кто будет изображать жертву, как обеспечим безопасность, что будем делать, если он клюнет. И главное — кто будет руководить операцией на месте.

— Я буду, — сказал Романов.

— Ты следователь, а не оперативник.

— Я следователь, который знает это дело лучше всех. И я не собираюсь сидеть в Горчанске и ждать, пока кто-то другой возьмет его.

Грачев хмыкнул — не то одобрительно, не то обреченно.

— Ладно. Готовь план. Завтра жду тебя в управлении.

Он положил трубку. Романов еще несколько секунд сидел неподвижно, глядя на телефон, потом поднялся и подошел к доске с фотографиями. Светлана Землякова. Алина Миронова. Две женщины, которые никогда не встречались друг с другом, но умерли от одной руки. Два плода, извлеченных с хирургической точностью и исчезнувших бесследно. Две пустые капсулы в подкожной клетчатке — крошечные гнезда, из которых что-то вылетело.

Что-то, что убийца вживлял на несколько дней, а потом забирал обратно.

Что-то, что было ему важнее, чем человеческая жизнь.

Что-то, ради чего он был готов убивать снова и снова.

Романов смотрел на фотографии и думал о том, что где-то в этом снежном треугольнике, в лесу под названием Чашоба, человек, которого они называют Акушером, сейчас, возможно,

смотрит на такие же фотографии. Или на живых женщин — тех, кто еще не знает, что их имена уже вписаны в его график. И этот человек не боится. Не сомневается. Не остановится.

Если только они не остановят его первыми.

Он сел за стол, достал чистый лист бумаги и начал писать план операции.

Глава 5

План операции рождался в муках.

Романов работал над ним трое суток — с перерывами на двухчасовой сон, холодный кофе и звонки Лене, которая методично, с дотошностью судебного психолога, вычитывала каждую деталь и находила в ней изъяны. К утру понедельника на столе лежали семнадцать страниц убогистого текста: схема взаимодействия групп наблюдения, маршруты патрулирования, легенда прикрытия, протоколы экстренной связи и отдельный раздел, озаглавленный «Портрет объекта», который Лена составила на основе двух эпизодов.

— Он хирург, — говорила она, расхаживая по кабинету Романова с неизменным стаканчиком чая в руке. — Он привык все контролировать. Он не нападает спонтанно — он выбирает, наблюдает, изучает расписание. Он знает, когда женщина одна, когда она выходит из дома, каким маршрутом идет. Это значит, что мы должны дать ему то, что он ожидает увидеть: повторяющийся паттерн поведения. Регулярность. Предсказуемость.

— То есть наша приманка должна ходить по одним и тем же улицам в одно и то же время, — резюмировал Романов.

— Именно. Каждый вечер, от семи до восьми. Одна и та же остановка, один и тот же парк. Маршрут, который легко изучить. И — никакой охраны в прямой видимости. Он заметит слежку за километр. У него чутье на опасность, иначе он не продержался бы так долго.

— Тогда как мы ее защитим?

— Технически. Микрофоны, трекеры, скрытые камеры. Группа быстрого реагирования в радиусе двух минут, но без визуального контакта. Если он клонет, мы должны дать ему приблизиться. Подпустить достаточно близко, чтобы он раскрыл себя. И только потом брать.

Романов записывал, вычеркивал, переписывал. Он знал: план должен быть идеальным. Потому что тот, на кого они охотились, не прощал ошибок.

Самым сложным оказалось найти саму приманку.

Сначала он обратился в отдел собственной безопасности — там служили несколько женщин, которые теоретически могли бы подойти. Но когда Романов объяснил задачу, желающих не нашлось. Никто не хотел играть роль беременной, зная, что цель — маньяк-хирург, который вырезает плоды и не оставляет следов.

— Я не трусиха, — сказала одна из сотрудниц, капитан лет тридцати пяти, мать двоих детей. — Но если он поймет, что я подстава, он убьет меня быстрее, чем группа подоспеет. Я не хочу, чтобы мои дети остались без матери.

Романов понимал. Он не осуждал. Он бы и сам не хотел оказаться на их месте. Но приманка была нужна — живая, настоящая, убедительная. Без нее план превращался в бумажную абстракцию.

Решение пришло с неожиданной стороны.

На четвертый день подготовки, когда Романов уже отчаялся найти добровольца, в его кабинет постучали. Он поднял голову и увидел на пороге молодую женщину — невысокую, худощавую, с короткой стрижкой и спокойным, почти жестким взглядом.

— Старший лейтенант Ольга Нефедова, — представилась она. — Отдел уголовного розыска Зареченска. Я слышала, вы ищете женщину для операции.

Романов отложил ручку.

— Вы понимаете, о чем идет речь?

— Понимаю. Мне нужны подробности, но в общих чертах я в курсе.

— Почему вы?

Нефедова пожала плечами — просто, буднично, как будто речь шла о рутинном задании.

— Я похожа на беременную. Двадцать шесть лет. Вешу пятьдесят четыре килограмма. Если надеть накладной живот — будет убедительно. У меня есть опыт оперативной работы под прикрытием — два года в отделе по борьбе с наркотиками. И у меня нет детей. Если что-то пойдет не так, сиротами никого не оставлю.

Последняя фраза прозвучала сухо, почти цинично. Но Романов услышал в ней то, что слышал в голосах многих своих коллег за годы службы: усталую готовность идти до конца. Не потому что не страшно. А потому что кто-то должен.

— Садитесь, — сказал он.

Они проговорили три часа. Романов показал ей фотографии жертв — предупредил заранее, чтобы она была готова. Показал крупные планы швов. Показал протоколы вскрытия. Объяснил, как действует убийца: седация, интубация, разрез, извлечение плода, смерть от кровопотери. Объяснил, что капсулы в телах — свидетельство того, что он что-то вживляет и извлекает обратно. Что он работает не в приступе ярости, а холодно, методично, как в операционной.

Нефедова слушала молча. Ее лицо не менялось — только пальцы, сцепленные в замок на колене, побелели от напряжения.

— Сколько у меня будет времени, если он попытается меня забрать? — спросила она наконец.

— Две минуты. Группа захвата будет в постоянной готовности. Вы будете носить микрофон с активацией по кодовому слову. Трекер в обуви — даже если он найдет микрофон, трекер останется. Маршрут — только людные места на первом этапе. Если он клюнет, мы начнем имитировать отход в более уединенную зону, чтобы дать ему возможность действовать. Но вы никогда не будете в одиночестве. Ни на секунду. За деревьями, за припаркованными машинами, в кустах — везде будут наши люди.

— А если он меня все-таки заберет? Если группа не успеет?

Романов посмотрел ей в глаза.

— Тогда вы должны помнить главное: он не убивает сразу. Ему нужна живая мать на время операции. У вас будет минимум несколько часов. Возможно, сутки. Если вы окажетесь в его руках, не геройствуйте. Не провоцируйте. Ждите штурма. Мы найдем вас по трекеру, где бы вы ни были.

Нефедова помолчала, глядя куда-то поверх его плеча. Потом кивнула — коротко, по-военному.

— Я согласна.

На следующий день началась подготовка.

Нефедову переодели в гражданское, подобрали накладной живот — силиконовый, реалистичный, изготовленный по спецзаказу в мастерской театрального реквизита. Живот весил почти как настоящий, и Нефедова, примерив его впервые, усмехнулась:

— Теперь я понимаю, почему беременные жалуются на спину.

Ей создали легенду. Анастасия Рыбина, двадцать шесть лет, беременность первая, срок — двадцать четыре недели. Муж в командировке, живет одна, работает удаленно — веб-дизайнер. Зарегистрировали в женской консультации 2. Завели обменную карту. Сделали несколько фотографий для соцсетей — на фоне парка, с чашкой чая, с книгой на скамейке. Аккаунты наполнили типичным контентом: рассуждения о выборе коляски, фотографии детских вещей, цитаты о материнстве. Все выглядело естественно — настолько, что Романов сам поверил бы, если бы не знал правды.

Лена консультировала по психологическому профилю.

— Он выбирает женщин, которые кажутся уязвимыми, — объясняла она. — Не слабых. Именно уязвимых. Тех, кто погружен в свою беременность, кто оторван от внешнего мира, кто не ожидает опасности. Нефедова должна играть именно такую: немного рассеянную, погруженную в мысли о ребенке, не замечающую ничего вокруг. Никакой настороженности. Никакого профессионального взгляда. Он почует фальшь за версту.

Нефедова тренировалась перед зеркалом. Училась ходить, слегка откинувшись назад — так, как ходят беременные на шестом месяце. Училась класть руку на живот в защитном жесте. Училась улыбаться рассеянной, мечтательной улыбкой — не той, с которой она привыкла смотреть на мир, а другой, которую Романов видел на фотографиях Земляковой и Мироновой.

Спустя неделю подготовки он смотрел на нее и не узнавал. Перед ним сидела беременная женщина — не сотрудница полиции, а будущая мать, незащищенная и безмятежная, как те двое на снимках с доски.

— Готовы? — спросил он.

— Готова, — ответила она. И по ее тону он понял: да, готова. Насколько вообще можно быть готовой к такому.

Операция «Колыбель» началась во вторник, девятого декабря.

В восемь вечера Нефедова вышла из съемной квартиры на окраине Топольска — той самой, которую они арендовали под легенду, — и направилась к остановке. На ней было серое пальто, не скрывававшее живота, вязаный шарф и шапка. В руках — сумка с книгами по материнству. Она шла неторопливо, чуть покачиваясь на ходу, как ходят женщины на шестом месяце, и смотрела не по сторонам, а куда-то внутрь себя — точь-в-точь как учила Лена.

Романов сидел в фургоне наблюдения в трехстах метрах от маршрута. Перед ним светились шесть мониторов — картинки с камер, расставленных вдоль улиц, и один экран с трансляцией с микрофона Нефедовой. Он слышал ее дыхание, ее шаги, даже шелест снега под ногами.

Рядом сидел Соболев, нацепив наушники, и молча следил за картой местности. В кузове фургона было тесно и душно — пахло разогретой электроникой, кофе и напряжением.

— Она дошла до остановки, — тихо сказал Соболев.

— Вижу.

На мониторе Нефедова остановилась у остановочного павильона, достала телефон, сделала вид, что проверяет сообщения. Автобус подошел через четыре минуты. Она зашла — камера в салоне, подключенная к системе городского наблюдения, показывала, как она садится у окна и смотрит на убегающий за стеклом город.

— Как она? — спросил в наушниках голос Грачева. Полковник находился в штабном фургоне в полукилометре отсюда, но хотел быть в курсе каждой минуты.

— Держится. Работает профессионально.

— Хорошо. Продолжаем.

Первый вечер прошел безрезультатно. Нефедова проехала три остановки, вышла у городского парка, прогулялась по аллее — пустой и заснеженной, с редкими фонарями, — и вернулась домой. Никаких подозрительных лиц. Никакой слежки.

Второй вечер — то же самое. Третий, четвертый, пятый.

К концу недели напряжение в группе достигло пика. Люди устали, начали огрызаться друг на друга. Соболев, который почти не спал эти дни, засыпал на ходу. Нефедова держалась лучше всех — по крайней мере, внешне. Но Романов видел, как у нее дрожат пальцы, когда она поправляет шарф перед выходом.

— Может, он ушел, — сказал кто-то из оперативников на шестой день. — Может, залег на дно.

— Может, — ответил Романов. — А может, наблюдает за нами прямо сейчас.

Он не знал, насколько прав.

На восьмой день пришла записка.

Утром, когда Романов подошел к фургону наблюдения, он заметил конверт, приклеенный скотчем к водительской двери. Белый, без маркировки, без адреса. Внутри — сложенный вчетверо лист бумаги, исписанный мелким, убористым почерком. Почерком врача.

Романов читал, и холод поднимался по позвоночнику — медленно, неотвратимо, как ртуть в термометре.

«Я долго думал, прежде чем написать это. Я не хотел вмешиваться в вашу работу. Вы делаете свое дело, я делаю свое. Но то, что я увидел вчера, заставило меня взяться за перо — впервые за долгое время, потому что обычно я пишу только для себя, в дневник, который никто никогда не прочтет.

Вы хорошо работаете. Я оценил. Ваша женщина — та, что ходит по Топольску с накладным животом и рассеянной улыбкой, — она почти безупречна. Почти. Но есть детали, которые вы не учли, и я пишу это не для того, чтобы уязвить вас, а потому что правда важнее гордости.

Беременные на шестом месяце не носят сумку на левом плече — она давит на ребра, когда плод уже поднялся высоко. Они перевешивают сумку направо, к бедру, чтобы освободить диафрагму. Ваша женщина носит сумку на левом. Это первое.

Второе: она ни разу не поправила лямку бюстгальтера. Вы не знаете этого, потому что вы мужчина и никогда не носили беременность, но на этом сроке грудь увеличивается, и лямки постоянно сползают. Женщина с двадцатью четырьмя неделями поправляет их машинально, не замечая, раз по десять за прогулку. Ваша женщина не сделала этого ни разу.

Я не знаю, кто она. Возможно, полицейская. Возможно, просто смелая девушка, которая хочет помочь следствию. Это не имеет значения. Имеет значение только то, что я не причиню ей вреда. Я не убиваю тех, кто не носит под сердцем настоящую жизнь.

Поймите меня правильно. Никто не хочет, чтобы умирали беременные женщины. И я — меньше всех. Каждая смерть для меня — не статистика. Каждая — боль. Каждая — напоминание о том, что я потерял, и о том, что я пытаюсь найти. Вы думаете, я чудовище. Возможно, вы правы. Но чудовища тоже плачут по ночам.

Пути Господни неисповедимы. Я не верю в Бога с тех пор, как Он забрал у меня самое дорогое. Но иногда мне кажется, что Он все еще смотрит на меня — и молчит. Как молчал тогда. Как молчит всегда.

Продолжайте свою работу. Я продолжу свою. И когда-нибудь — возможно, очень скоро — мы встретимся. Я не боюсь этой встречи. Надеюсь, вы тоже. Я возьму пауза, не из страха, а из уважения к Вашей работе.

Будьте здоровы.

Подписи не было. Только дата — сегодняшняя.

Романов перечитал записку дважды. Потом еще раз. Потом сложил лист и убрал в карман.

— Что там? — спросил Соболев, подходя с термосом в руке.

— Он знает.

— Что?!

— Он знает про операцию. Про Нефедову. Про то, что она подставная.

Соболев побледнел. Термос в его руке дрогнул.

— Как? Откуда? Мы же...

— Не знаю. — Романов посмотрел на заснеженную улицу, на серое небо, на голые деревья парка, где вчера гуляла Нефедова, не подозревая, что за ней наблюдают не только свои. — Но он наблюдал за нами. Все это время он был где-то рядом. И мы его не заметили.

Он достал телефон и набрал Грачева.

— Операцию «Колыбель» сворачиваем. Он нас переиграл.

Глава 6

Романов отложил записку и долго сидел неподвижно, глядя на мелкий, убористый почерк, который теперь казался ему знакомым. Он уже видел этот почерк — в протоколах, в медицинских картах, в рецептах, которые врачи выписывают не глядя. Но здесь, на мятом тетрадном листе, этот почерк выглядел иначе. Он был личным. Почти интимным. Как будто убийца не угрожал — он разговаривал. С ним. С Романовым.

Он поднял глаза. В фургоне наблюдения было тихо. Соболев застыл с термосом в руке, не донеся его до рта. Нефедова сидела на корточках у открытой двери — ее только что сняли с маршрута, она еще не сняла накладной живот, и он бугрился под пальто, почти настоящий, почти живой.

— Он знает мой маршрут, — сказала она тихо. Голос у нее был ровный, но пальцы, сжимавшие воротник пальто, побелели. — Он знает, где я хожу, как я хожу, что ношу. Он видел меня вблизи. Настолько вблизи, что заметил ляжку бюстгальтера.

— Он не причинит тебе вреда, — сказал Романов.

— Я читала записку. Я видела, что он написал. — Она подняла на него глаза, и в них было не страх — злость. Холодная, профессиональная злость человека, которого переиграли. — Я не боюсь за себя. Я боюсь, что мы дали ему фору. Пока мы тут разворачиваемся и сворачиваемся, он выбирает следующую. Настоящую.

Романов ничего не ответил. Он и сам думал об этом.

Вечером того же дня он сидел в своем кабинете в Горчанске и смотрел на доску. С фотографий на него смотрели две женщины — Светлана и Алина. Скоро к ним добавится третья. Он знал это так же точно, как знал, что за окном идет снег — густой, декабрьский, заметающий улицы и крыши.

Лена сидела напротив. Она приехала сразу, как только он позвонил, и теперь молча читала записку, шевеля губами, как делала всегда, когда сосредотачивалась. Дочитав, она отложила лист и сняла очки.

— Он не психопат, — сказала она.

— Ты это уже говорила.

— Я говорю это снова, потому что теперь у меня есть доказательства. Психопат не оставляет записок такого рода. Психопат угрожает, манипулирует, наслаждается властью. А этот... — она постучала пальцем по листу, — этот объясняет. Он хочет, чтобы его поняли. Он пишет так, будто мы с ним — коллеги, которые оказались по разные стороны баррикад.

— Он убил двух женщин.

— Да. И он убьет еще. Но не потому, что ему это нравится. Потому что он верит, что это необходимо. Понимаешь разницу? Им движет не садизм. Им движет идея. Миссия. А это гораздо опаснее, потому что миссию нельзя отменить угрозами. Человек с миссией готов умереть за нее. И готов убивать.

Романов встал и подошел к окну. Снег шел стеной — белая пелена, за которой не видно было ни машин, ни фонарей, ни города. Только белое безмолвие.

— Он дал нам паузу, — сказал он.

— Думаешь?

— Не знаю. Но он наблюдал за нами неделю, прежде чем оставить записку. Значит, он способен ждать.

Лена кивнула и замолчала. Романов смотрел на снег и думал о том, что где-то там, в этой белой пелене, ходит человек с врачебным почерком и набором хирургических инструментов. Человек, который потерял ребенка. Человек, который считает, что истина важнее жизни.

И этот человек дал ему время.

Он не знал, подарок это или насмешка.

На следующее утро он собрал группу.

В кабинете было тесно — пришли все, кто работал по делу: Соболев, Нефедова, Круглов из Топольска, двое оперативников из Зареченска, судмедэксперт Гушин, которого Романов специально вызвал в Горчанск. Лена сидела в углу, у окна, и молча наблюдала за собравшимися.

— У нас есть время, — начал Романов, и слова давались ему тяжело, потому что он знал, что за ними стоит. — Убийца взял паузу. Он понял, что мы пытались его поймать на живца, и оценил попытку. Это странно, но это так. И мы должны использовать эту паузу, потому что, когда она закончится, погибнет еще одна женщина.

— Если он вообще сдержит слово, — буркнул Круглов. — Может, он просто морочит нам голову.

— Может. Но его поведение последовательно. Он методичен. Если он написал, что даст паузу, скорее всего, он ее даст. Это не значит, что мы можем расслабиться. Это значит, что у нас есть около недели, чтобы найти то, что мы упустили.

Он подошел к доске и перевернул новый лист — чистый, без фотографий, без стрелок.

— Давайте пройдемся по тому, что мы знаем. Он врач. Хирург. Акушер. Он владеет техникой кесарева сечения на уровне ведущего специалиста перинатального центра. Он умеет интубировать, катетеризировать центральные вены, работать с аппаратурой жизнеобеспечения. Он имеет доступ к дезинфицирующим растворам на основе четвертичных аммониевых соединений. Он использует викриловые нити для шва — это дорогой материал, который не продается в каждой аптеке. Он вживляет что-то в подкожную клетчатку жертв и извлекает это обратно. Следы на стенках капсул — медицинский силикон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.